



# ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.  
 безъ дост. . . . 5 » — »  
 На полгода . . . . . 3 » 50 »  
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ.—  
 II. Изъ переписки двухъ друзей. Толиверовой.—  
 III. Layro dell'isola bella. (Стих.).—IV. Бѣлая Мар-  
 гаритка (съ англійскаго). А. С—ой.

## ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Кантеміровка. Новоселовка тожеъ.



ОЛНЦЕ закатывалось, освѣщая косыми лучами без-  
 граничное пространство снѣга, широкую повозку,  
 запряженную тройкой почтовыхъ лошадей и позади  
 ея дорожную бричку. Въ повозкѣ сидѣла я, Володя и Иппо-  
 литъ, закутанные шубами и шарфами. На облучкѣ помѣщался  
 нашъ деревенскій слуга—Абрамъ, рядомъ съ кучеромъ Ива-



номъ, молодцомъ, ростомъ чуть не въ сажень. Въ бричкѣ ѣхала, уже пожилая, кормилица моего старшаго сына Саши, и ея молоденькая дочь Дуняша, наша горничная.

Путь нашъ отъ Москвы до Харькова, въ февралѣ, на почтовыхъ, былъ утомителенъ. Въ Харьковѣ мы отдохнули дня три, повидались съ родными и отправились въ наше имѣніе Кантеміровку \*), по раздѣлѣ получившее прибавочное названіе—Новоселовкѣ, оно находилось въ Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, верстахъ въ двадцати пяти отъ уѣзднаго города Славянска, извѣстнаго своими цѣлебными соляными озерами. По пути въ Новоселовку, подъ Изюмомъ, въ селѣ Каменкѣ, мы заѣзжали къ помѣщику этого села—Ивану Васильевичу Малиновскому, одному изъ воспитанниковъ перваго выпуска Царскосельскаго лицея, товарищу Пушкина, нашего государственнаго канцлера князя Горчакова, Дельвига, Баратынскаго и другихъ выдававшихся дѣятелей того времени. Мы пробыли у Ивана Васильевича около двухъ сутокъ. Онъ принялъ насъ очень радушно, познакомилъ съ жившимъ также въ Каменкѣ декабристомъ, барономъ Розеномъ и далъ намъ опытные, благоразумные указанія и совѣты относительно сельскаго хозяйства и новаго положенія крестьянъ. Это было время освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ Славянскѣ, въ домѣ купца Пятирублева, насъ ожидали и прибывшіе изъ Новоселовки, чтобы встрѣтить и проводить до имѣнія, нашъ кучеръ Иванъ, человекъ не обыкновеннаго роста и силы, и старинный слуга изъ русскихъ Абрамъ—отличавшійся отборными словами въ разговорѣ и щеголевато вѣжливыми манерами.

Тутъ же во дворѣ стояли, въ ожиданіи насъ, двѣ тройки почтовыхъ лошадей и при нихъ старый ямщикъ.

Мы отъ Москвы путешествовали на почтовыхъ, повозки были наши. Въ Новоселовку ѣхали въ первый разъ, почти

\*) Имѣніе Кантеміровка было дано въ приданое Софьѣ Богдановнѣ Пассекъ при выходѣ замужъ за князя Кантеміра.



что прямо изъ за-границы, гдѣ пробыли слишкомъ два года, постоянно же жили въ Москвѣ, понятно, что въ сельскомъ хозяйствѣ ничего не знали; это представлялось намъ тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что при новыхъ условіяхъ положенія крестьянъ, самое сельское хозяйство должно было измѣниться, и что всѣмъ этимъ долженъ былъ заняться семнадцатилѣтній сынъ мой Володя.

Мы выѣхали изъ Славянска пообѣдавши, къ вечеру думали быть на мѣстѣ; но вышло не такъ.

Отъ Славянска до насъ дорога шла степью, въ началѣ попадались хутора, дальше гладь и буераки. Подъ однимъ хуторомъ встрѣтилось намъ что-то въ родѣ лѣсочка или скорѣй высокихъ кустарниковъ. Изъ подъ безлистныхъ, густо переплетенныхъ вѣтокъ, осыпанныхъ инеемъ и клочьями снѣга, при нашемъ приближеніи и звонѣ колокольчиковъ, быстро выпорхнуло стадо сѣрыхъ куропатокъ, перелетѣло шляхъ\*), опустилось на снѣгъ и исчезло въ его бѣлизнѣ. За кустарникомъ опять буераки, голубое небо, кругомъ снѣгъ, сіявшій малиновымъ отливомъ въ разсыпанныхъ по немъ лучахъ тонувшаго за горизонтъ краснаго солнца. Глубокую тишину снѣжной степи нарушалъ только однозвучный звонъ колокольчиковъ, да визгъ и скрипъ подрѣзовъ повозокъ. Изрѣдка встрѣчались намъ медленно, мѣрно двигавшіеся на волахъ воза съ сѣномъ или соломой, съ мѣшками пшена или пшеницы. Абрамъ не пропускалъ ни одного воза не крикнувши:

— Э! здорово, Василь, Петро или Лабунько, куда путь держишь, на базаръ что-ли, въ городъ?

— Эге! отвѣчалъ коротко человѣкъ торговый, поправивъ на головѣ смушковую шапку, понукая воловъ, и возъ скрывался изъ вида.

Солнце еще сіяло у горизонта, румяна небо и снѣга, какъ съ востока всплыло бѣловатое облачко на яркую лазурь и стало неподвижно въ высотѣ. Вѣтерокъ потянулъ къ

\*) Проѣзжая большая дорога.



западу и легкими струйками волновалъ океанъ снѣговъ, подгоняя одну струйку другою. Выглядывая изъ кибитки, мы любовались этой дивной картиной.

— Надобно торопиться до дома, крикнулъ старый ямщикъ Ивану, — заверюха будетъ, и указалъ на бѣлое облачко.

Облачко ширилось, ширилось и какъ-то незамѣтно, точно волшебствомъ какимъ вдругъ растянулось на полъ-неба снѣговой тучей, и посыпала частая, сверкавшая точно раздробленные алмазы — снѣговая пыль. Вѣтеръ усилился и дулъ не сверху, а какъ бы снизу подлизывалъ снѣгъ и сливалъ его съ снѣжной пылью въ одну непроницаемую ослѣпительно-блестящую пелену. Догоравшая заря скрылась за тучей, кругомъ все подернулось бѣловатымъ мракомъ, свѣта Божьяго стало не видно. Пустынный вѣтеръ взревѣлъ на привольѣ, завылъ, взрылъ снѣгъ, завертѣлъ, затрепалъ кожу и полости на повозкахъ, рвалъ шапки и кожухи на кучерахъ, и вдругъ все — земля, воздухъ, небо, сверху, снизу — все слилось въ одинъ хаосъ. Дыханіе захватывало. Мы запрятались въ глубь кибитки, опустили кожу. Дорогу занесло сугробами, ничего нельзя было различить. Лошади оступались. Повозки медленно слѣдовали другъ за другомъ и вдругъ стали.

— Сбились съ пути, сказалъ дѣдъ ямщикъ, подойдя къ Ивану, какъ бы въ буеракъ не свалиться, здѣсь ихъ богато. — Вставайте, осматривайте дорогу, опрокинуться не диво. Быстро наступала ночь. Иванъ и дѣдъ пошли подлѣ повозокъ... Повозки ныряли изъ сугроба въ сугробъ.

— Точно сбились съ пути, сказалъ внушительно Абрамъ, и также слѣзъ съ облучка, надобно повернуть направо, тамъ должна быть Алисовка, а налѣво мельницы, — низочкомъ и наша деревня.

— Трогай! сказалъ Иванъ.

Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ.

Тронули и бухъ въ сугробъ. — Вылѣзли. — Держи лѣвѣй, кричитъ дѣдъ, держи правѣй; лѣвѣй, правѣй; то въ сугробъ, то въ буеракъ, такъ и пробились до разсвѣта. Къ



утру бурянь сталъ утихать. Небо прояснилось, зардѣлась утренняя заря.

— Вотъ и Сергѣевка, сказалъ крестясь Абрамъ, слава тебѣ Господи, и церковь, и хаты, а пониже-то, извольте смотрѣть, обратился онъ къ намъ,—панскій садъ,—что яблонь, что вишенъ произрастаетъ тамъ! а вотъ мельница вашихъ крестьянъ, и деревня наша низочкомъ. Мы спустились въ широкую ложбину, по которой было раскинуто нѣсколько хатъ. Подальше деревни, въ равнинкѣ виднѣлся небольшой домикъ среди деревьевъ.

— Это нашъ домъ? спросили мы Абрама, выглядывая изъ повозки.

— Это-съ нижній флигель, отвѣчалъ Абрамъ, тутъ дядинька вашъ, продолжалъ онъ обращаясь къ Володѣ, изволили жить первое время, по прибытіи въ здѣшнія мѣста. Новый домъ какъ слѣдуетъ барскій, сейчасъ на горѣ.

Проѣхавши деревней, мы начали подниматься на отлогую гору и привстали немного въ повозкѣ. На горѣ показалась крыша дома, кругомъ ни деревца, степь и пустота. Что-то въ родѣ тоски сжало сердце; между тѣмъ лошади живо бѣжали, домъ открывался все больше и больше, показалась кухня, людскія хаты, конюшня, вдали токъ, амбары, все занесенное снѣгомъ.

Выѣхавши на ровное мѣсто, Иванъ подобралъ возжи, крикнулъ на лошадей и лихо подкатилъ къ большому, новому дому. Изъ кухни стремглавъ бѣжалъ съ ключами атаманъ Василь и конторщикъ Петро. Здороваясь съ нами и отпирая двери дома, они помогали намъ выбираться изъ подушекъ и изъ кибитки. Взойдя на невысокое крыльце съ колонками, перекрестясь, мы вступили, черезъ сѣни, въ просторную переднюю, не раскутываясь прошли черезъ большую, свѣтлую залу и гостиную въ обширную диванную, обставленную диванами. Съ двухъ сторонъ диванной находилось по три окна, съ цвѣтными стеклами. Тутъ мы немного раскутались, но остались въ шубахъ. Домъ былъ давно не топ-



лень, сверхъ того въ растворенныя изъ сѣней двери таскали изъ кибитокъ наши вещи и черезъ корридоры, по указанію кормилицы, вносили мои и Ипполитовы пожитки въ спальную, а Володины—въ прекрасный кабинетъ, выходившій изъ залы. Дѣвичью завалили пожитками прислуги и хозяйственными принадлежностями.

Вскорѣ явилась на услуги жена писаря, какая-то бабуса \*) и бойкій хлопецъ. Откуда-то взялись дрова и запылали всѣ печи; домъ топили во всю зиму раза три или четыре въ ожиданіи насъ. Бабуса ставила самоваръ; въ гостиной передъ диваномъ, накрыли чистой, тонкой скатертью столъ, поставили прекрасный чайный сервизъ \*\*), горшокъ молока съ устоемъ густыхъ сливокъ и привезенные нами изъ Славянска бѣлые хлѣбы и бублики. Кипящій самоваръ и топившіяся печи пообогрѣли немного комнаты, мы сняли шубы и принялись за чай. Въ гостиной, между двухъ оконъ, выходила стеклянная дверь на широкую террасу съ массивными колоннами и ступенями на пространный пустырь, бѣлѣвшій нетронутымъ снѣгомъ.

Небо алѣло все больше и больше и какъ бы изъ снѣговъ выкатилось солнце, прямо противъ оконъ дома, освѣтило комнату и за-играло лучами въ сугробахъ.

— Это за ночь нанесло, говорилъ стоявшій противъ насъ Василь, не дай Боже, что за заверюха была. Отъ кухни до дома нельзя было пройти.

— А что, Василій, есть-ли у насъ какая нибудь провизія? спросила я его.

Оказалось, что у насъ много домашней птицы и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Обѣдъ былъ поданъ очень недурной. Вечеромъ затопили еще разъ печи, освѣтили весь домъ стеариновыми свѣчами, опустили на окнахъ цвѣтныя занавѣсы,

\*) Старуха—бабушка.

\*\*) Домъ былъ только что выстроенъ братомъ Васильемъ Васильевичемъ Пасекъ, меблированъ и обзаведенъ всѣми хозяйственными принадлежностями—передъ его неизлечимой болѣзнью.



въ комнатахъ стало теплѣе и какъ-то уютнѣе. Когда подали намъ вечерній самоваръ, явились Василь и Петро. Володя сталъ ихъ спрашивать о хозяйствѣ, о новыхъ порядкахъ съ положенія 19 февраля.

— Порядки у насъ, панычъ, отвѣчалъ Василь, все старыя, перемѣны намъ нѣтъ никакой.

— Какъ такъ, сказалъ Володя, служащіе при нашемъ хозяйствѣ должно быть теперь на жалованьѣ?

— Ни, панычъ, всѣмъ дается отсыпная мука, пшено, соль, сало, кожухи.

— И работаютъ?

— А какъ же, работаютъ.

— Такъ оставаться нельзя, говорилъ Володя, и обратясь къ конторщику, сказалъ, пожалуйста, Петро, принеси мнѣ завтра утромъ списокъ всѣхъ служащихъ у насъ, а ты, Василь, скажи имъ, чтобы завтра пришли ко мнѣ. \*)

Послѣ толковъ о хозяйствѣ перешли къ охотѣ.

— А водятся ли здѣсь зайцы? спросилъ Володя.

— Зайцевъ богато, отвѣчалъ Петро, самъ охотникъ. Хорошо ихъ ловить облавой.

— А лисицы есть?

— Водятся и лисицы. Это звѣрь лукавый, ловить трудно. Встрѣчаются и хорьки. Прежде ихъ водилось много. Идешь бывало кустами, а они блысь, блысь, \*\*) шерсть такъ и лоснится.

Уговорились какъ облавой зайцевъ ловить, какъ хорьковъ стрѣлять.

— Вотъ хорошо бы, панычъ, волковъ поугатъ, бѣда! раззоръ! На дняхъ двадцать пять гусей панскихъ въ очере-

\*) Имѣніе дѣтей моихъ, до раздѣла ихъ съ родными, составляло одно съ имѣніемъ ихъ роднаго дяди, Василья Васильевича Пассекъ. Во время нашего пребыванія за-границей, онъ заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ, въ этомъ положеніи, одинокій въ деревнѣ, онъ, будучи опекуномъ моихъ дѣтей, продалъ свое и наше сѣно, пшеницу, шерсть—а деньги у него всѣ украли. Когда родные узнали о его положеніи, то нѣкоторые пріѣхали въ Новоселовку, увезли его въ Харьковъ, гдѣ онъ лечился и кончилъ жизнь. Поэтому и перемѣнъ въ имѣніи еще не было.

\*\*) Блестить.



тахъ задрали, а третьяго дня, ночью, два волка залѣзли на крышу овчарни; слышитъ чабанъ Кузьма, разгребаютъ снѣгъ и очеретъ на крышѣ, спуститься къ овцамъ хотятъ. Кузьма крикнулъ, прибѣжали овчары—не поймали—ушли, а крышу подрали.

— За волками трудно охотиться, сказалъ Володя.

— За ними хорошо охотиться изъ-за засады, замѣтилъ Василь. Есть у насъ раззореная, покинутая хата, близъ лѣсочка, надобно туда засѣсть человѣкамъ тремъ ночью съ ружьями и поросенкомъ въ мѣшкѣ; надобно поднести поросенка къ окошку и пожать его, онъ начнетъ хрюкать и визжать. Какъ только волкъ заслышитъ, то и станетъ красться осторожно къ хатѣ, поросенка еще потискать, а волкъ все ближе, какъ подойдетъ на выстрѣлъ, тутъ въ окно и бейте его изъ ружья.

На другой день утромъ: чабаны, ключники, воловики, скотники, сторожа, писаря—все собрались въ передней. Володя позвалъ ихъ въ залу, со всеми перездоровался и объявилъ, что такъ какъ они теперь вольные, то и служба ихъ должна быть на другихъ условіяхъ, и предложилъ тѣмъ, кто пожелаетъ остаться при нашемъ хозяйствѣ, получать жалованье, деньгами.

Остались все и тутъ же, съ общаго совѣта и согласія, положено было всемъ жалованье равное стоимости труда.

Дня черезъ четыре зала наше была полна крестьянами, представителями семействъ. Они не имѣли почти никакого понятія о своемъ новомъ положеніи, а какое и имѣли, то самое смутное или превратное. Володя, добрый и справедливый, искренно, съ любовью отнесся къ народному дѣлу. Онъ впускалъ къ себѣ всехъ радушно, терпѣливо цѣлые часы толковалъ имъ и объяснялъ положеніе 19-го февраля. Указывалъ на какихъ условіяхъ крестьяне могутъ войти въ соглашенія съ помѣщиками, говорилъ, что согласно положенію они могутъ пойти на выкупъ земли, и тогда за отмежеванную имъ отъ помѣщиковъ землю, казна заплатитъ помѣщику за четыре части, а крестьяне должны



будутъ выплатить ему пятую часть. Казнѣ же они будутъ выплачивать понемногу, и когда выплатятъ все, то земля будетъ принадлежать на всегда имъ и ихъ потомству. Второе соглашеніе—идти на оброкъ, и третье—на издѣльную повинность или барщину, т. е. за наемъ земли отбывать работою. Вскорѣ стали приходиться на совѣщанія и совѣтъ къ Володѣ не только что наши крестьяне, но и изъ другихъ деревень.

Володя всѣхъ старался вразумить и всѣмъ совѣтовалъ идти на выкупъ. Своимъ крестьянамъ объявилъ, что при выкупѣ пятую часть, слѣдующую намъ съ нихъ за землю, онъ имъ дарить.

Въ Володѣ народъ почувствовалъ живую душу, повѣрилъ ему и сталъ обращаться къ нему не только что въ дѣлахъ общихъ, но и въ своихъ личныхъ.

— Пойдемъ къ Владиміру Вадимовичу, говорили они, онъ все разсудитъ по душѣ и по разуму.

Въ то время многіе изъ помѣщиковъ, опасаясь новаго отношенія къ крестьянамъ, держались осторожно, а иные для большей безопасности имѣли при себѣ и жандарма. У насъ же и двери въ передней не запирались; Володя ѣздилъ вездѣ одинъ верхомъ или въ саночкахъ. Когда объѣзжая свои хозяйственныя заведенія, онъ завертывалъ взглянуть шинокъ, народъ высыпалъ къ нему изъ шинка, въ шинкѣ его обступали и тѣ, которые не сидѣли за столомъ, а лежали подъ столомъ, сладостно улыбаясь вылѣзали къ нему.

Въ Малороссіи, народъ собирается въ шинокъ не только чтобы выпить, а чтобы за чаркой водки обсудить дѣла общества, потолковать о своихъ собственныхъ дѣлахъ, о пшеницѣ, о просѣ и волахъ, о предстоящей ярмаркѣ, которыя малороссіяне чрезвычайно любятъ, и что треба купить на сей ярмаркѣ, и что треба продать. Между тѣмъ какъ Володя заботился о дѣлахъ народа и съ такимъ пониманіемъ и любовью отдавался сельскому хозяйству, что приводилъ меня въ изумленіе, у меня перебивало почти все женское



населеніе Кантеміровки, съ паляницами \*) курами, яйцами. Въ дѣвичьей явились для услуги двѣ молодыя дивчины и экономка Марѳа Никифоровна, служившая при хозяйствѣ у Вас. Вас., а въ передней кромѣ Абрама нанялся еще Игнатъ, человѣкъ кроткій, преданный, который прослужилъ у насъ потомъ пятнадцать лѣтъ, и у насъ же въ домѣ окончилъ жизнь.

Вскорѣ познакомились съ нами нѣкоторые изъ сосѣдей, многіе были люди вполне образованные и достойные; изъ нихъ мы больше всѣхъ сблизились съ семействами: А. А. Солнцева, Времевымъ, съ посредникомъ А. С. Левшинымъ \*), человѣкомъ нѣсколько рѣзкимъ, но замѣчательно умнымъ. Онъ очень тепло отнесся къ намъ, полюбилъ Володю и часто пріѣзжалъ къ намъ съ двумя молодыми племянниками своими, Щербачевыми. Мы особенно дружески сошлись съ младшимъ изъ нихъ Александромъ, добрымъ, милымъ, развитымъ гусаромъ. Онъ былъ еще такъ юнъ, не только лѣтами, но и душой, что часто среди серьезнаго разговора вдругъ переходилъ вмѣстѣ съ Володей къ дѣтскимъ шалостямъ и игривости. Все это оживляло нашу жизнь въ деревнѣ.

Въ мартѣ наступила весна. Во всемъ почувствовался трепетъ жизни. Снѣга таяли и потоками катились съ высоты въ ложбины. Ледъ на рѣкахъ разступался, рѣки разливались по лугамъ, перевоза черезъ нихъ не было. Вездѣ показались проталины, полныя воды. Рѣчка наша Бычекъ — лѣтомъ представляющая узенькую струйку среди густыхъ, высокихъ очеретовъ—рвалась изъ береговъ. Въ воздухѣ слышался свистъ и крикъ пролетающихъ стаями птицъ. Марѳа Никифоровна не знала отдыха: Въ птичней сажала на яйца куръ, гусей, индѣекъ; на скотномъ дворѣ выпайвала телятъ, выкармливала къ свѣтлому празднику свиней. Корзинами доставляла намъ яйца отъ куръ и отъ индѣекъ.

---

\*) Ячменные небольшіе хлѣбы.

\*) Былъ мировымъ посредникомъ.



Въ дѣвичьей, подъ ея надзоромъ дивчата сбивали въ масло-бойкахъ масло, перебирали пухъ. Въ моей комнатѣ мы съ ней разсыпали и разбирали разныя сѣмена для огорода и бакчи. Капусту опредѣлили садить у прудка за токомъ; картофель; бураки, морковь и рѣпу за коноплянниками, близь флигеля; горохъ и бобы—въ полѣ. Дыни, арбузы и огурцы пошли на бакчу. Кругомъ бакчи—косматая кукуруза, тыква, подсолники, за бакчей—десятина мака.

Въ поляхъ появились плуга въ шесть паръ воловъ и при нихъ маленькіе погоньчи. Мы обмолотили на посѣвъ двѣ уцѣлѣвшія отъ продажи скирды пшеницы, столько же проса, овса и ячменя. Этого было мало, одинъ изъ сосѣдей далъ намъ займы всего, до новаго. Такъ мы обсѣялись и устроились, какъ съ мелкимъ, такъ и съ большимъ хозяйствомъ. Плуговъ у насъ было достаточно. Крестьяне брали у насъ въ наймы землю и отрабатывали за нее.

Весна раздвѣтала. Красноватая травка трубочками за-сѣла по обнажившейся изъ-подъ снѣга земли и развернулась зеленымъ ковромъ, яркимъ до прозрачности, головки про-лѣсокъ полѣзли изъ земли и взглянули на Божій міръ голу-быми цвѣточками. Опушились вербы вокругъ пруда и около хатокъ. Изъ-за вербъ сквозили изъ розово-бѣлый цвѣтъ ви-шенъ, яблонь, грушъ. Необъятная степь зазеленѣла души-стыми травами и вдругъ подернулась пунцовымъ воронцемъ, и пестрыми полевыми тюльпанами. Въ комнатахъ у насъ также все алѣло полевыми цвѣтами въ стеклянныхъ банкахъ съ водою. Намъ стали носить корзинами сморчки и пече-рицы, десятками куропатокъ и стрепетовъ. Въ степи пока-зались стада дрохвъ, одну огромную дрохву притащили намъ живьемъ. Изъ оконъ выставили зимнія рамы и открыли на террасу дверь.—Боже мой, что за воздухъ ворвался въ ком-наты—степь ароматная! Передъ домомъ не было ни деревца, ни кусточка—одна трава зеленая. Изъ сосѣдняго сада мы достали нѣсколько кустовъ сирени и десятка три душистыхъ тополей,—посадили одни передъ окнами, другіе у террасы.



Изъ оранжереи купили цвѣтовъ и деревьевъ и затѣнили ими террасу и окна въ комнатахъ.

— Вотъ мы и съ садочкомъ! На террасѣ поставили зеленый рѣшетчатый диванъ, такіе же стулья и столъ; тутъ утромъ и вечеромъ пили чай, иногда и обѣдали. Съ террасы направо виднѣлось большое село Сергѣевка съ барскимъ домомъ и паркомъ тополей, вишенъ, кленовъ; налѣво зеленѣлъ нашъ лѣсокъ дубовъ, кленовъ, грушъ, орѣшника, мѣстами оплетенныхъ гирляндами хмѣля; густые, колючіе кусты терна окружали лѣсокъ. Недалеко отъ лѣса чернѣли наши клуня, амбары, овчарни съ хатами воловиковъ и чабановъ.

Наступило лѣто! Поля пшеницы неокинешь взглядомъ,—золотистый колосъ клонится къ землѣ, просо опустилось темными тяжелыми кистями. Послѣ полудня небо принимало цвѣтъ темно-голубой и какъ-бы глубокимъ взоромъ смотрѣло на землю. Воздухъ золотился, и все становилось до того тихо, какъ будто и дышать перестало.

Въ это-то время, передъ уборкой хлѣба, получили мы записку отъ мирового посредника Левшина, что черезъ два или три дня онъ пріѣдетъ къ намъ съ своими племянниками и канцеляріей—вводитъ уставную грамоту у насъ, нашимъ крестьянамъ и крестьянамъ двухъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Мы немедленно объявили это черезъ Василя всѣмъ нашимъ крестьянамъ и крестьянамъ означенныхъ сосѣднихъ деревень.

Черезъ два дня къ нашему крыльцу подкатила коляска четверкой буланыхъ лошадей; изъ нее вышелъ посредникъ нашъ А. С. Левшинъ и племянники его Щербачевы, оба въ военныхъ мундирахъ. За коляской подѣхала къ дому бричка съ канцеляріей, изъ которой выѣзли два писаря съ портфелями въ рукахъ, съ подушками, одѣялами и чемоданомъ.

Время клонилось къ вечеру. На террасѣ кипѣлъ самоваръ, стояли сливки, горячія булки. Мы всѣ помѣстились подъ тѣнь цвѣтовъ и опущенныхъ между колоннъ парусинныхъ занавѣсъ.



— Ну, что твои дураки, Володя? сказалъ Левшинъ, какое соглашеніе?

— Съ чего же это вы ихъ дураками-то обозвали, Александръ Сергѣевичъ, отвѣчалъ Володя. Они идутъ на выкупъ. Пятую часть я имъ дарю.

— Поздравляю! тотчасъ отблагодарятъ—стравятъ твой токъ своими свиньями, благо деревня рядомъ. Куда сносишь хаты?

— Никуда, оставляю на мѣстѣ. У нихъ тутъ и криницы, \*) и прудокъ, и вербы, и коноплянники, и огороды.

— На что лучше! и токъ твой подъ руками, гусямъ и курамъ ихъ благодать. И мѣсто отличное. А что, Володя, если бы ихъ къ сторонкѣ—къ Сергѣевкѣ. Оно было бы вѣрнѣе.

— Что вы, Александръ Сергѣевичъ, какъ это можно! Люди къ мѣсту привыкли, устроились и вдругъ переносись,—легко сказать.

— Не трудно и сдѣлать. Въ недѣлю увидишь такія же мазанки.

— А вербы? а вишни?

— Поживутъ—разведутъ, а пока и безъ нихъ, да что съ тобой толковать—тожъ что воду толочь. Завтра посмотримъ какъ отблагодарятъ.

— На что мнѣ благодарность—и не за что. Дѣлаю какъ совѣсть велитъ.

— Измучилъ меня этотъ вводъ уставныхъ грамотъ сказалъ А. С. усталъ, и душевно усталъ. Невольно прибѣгаешь къ мѣрамъ, которыя самому тяжелы. Распорядись, Володя, чтобы завтра народъ пораньше собрался — и священника для молебна пригласи.

— Вы еще спать будете—соберутся.

Наступала ночь. Подали на террасу свѣчи. Тишина въ воздухѣ была до того глубока, что даже огонь свѣчей горѣлъ неподвижно. Мало-по-малу стали налетать къ огню какіе-то небольшіе, черные жучки, появились ночныя бабочки въ

\*) Колодезь.



сѣренъкихъ бурнусахъ и гранатныхъ бусахъ, какъ сказалъ о нихъ нашъ поэтъ Я. П. Полонскій, въ своемъ „Кузнечикъ-музыкантъ“, все умножались, умножались, толпились вокругъ огня, шныряли въ огонь, затемняли свѣтъ, опаленныя сыпались на столъ—и до того надоѣли, что мы убрались въ гостиную, гдѣ ожидалъ насъ ужинъ. Тамъ, подъ музыкальное стрекотанье безчисленныхъ кузнечиковъ доносившееся до насъ сквозь растворенныя въ степь двери, принялись мы за ароматную ботвинью, съ желтой, какъ янтарь, свѣжепросольной осетриной, только что доставленной намъ изъ Бахмута, и за дымившихся еще крупныхъ раковъ.

Какъ только занялась заря, съ разныхъ сторонъ показался народъ; медленно, съ какой-то важной сосредоточенностью приближались они къ барскому дому, и въ ожиданіи выхода посредника, въ разныхъ положеніяхъ располагались по травѣ.

Солнце поднялось уже высоко, когда посредникъ, надѣвши свою цѣпь, вышелъ на крыльце, окруженный племянниками своими, Володей и писарями. Я видѣла все это изъ раскрытаго окна въ домѣ.

Каково же было общее изумленіе, когда Левшинъ, послѣ разговоровъ и условій съ крестьянами постороннихъ имѣній, обратясь къ нашимъ, сказалъ что ихъ соглашеніе на выкупъ самое лучшее, и что сверхъ того помѣщикъ дарить имъ пятую часть, а они, низко поклонившись, отвѣчали, что на это несогласны.

— Какъ! крикнулъ Левшинъ, что же вы хотите?

— Просимъ, ваше превосходительство, переверстать насъ въ казаки.

— Какъ въ казаки! Да это невозможно. Съ чего вы взяли.

— Просимъ насъ въ казаки, а нельзя—останемся при Владимірѣ Вадимовичѣ на старомъ положеніи. Будемъ ему служить, якъ служили.

Левшинъ вспыхнулъ. Ни его объясненія, ни энергичная



брань, ни убѣжденія, ни огорченіе Володи, ни даже то, что одного изъ крайне бойко отвѣчавшихъ Левшинъ отправилъ въ холодную, ничто непомогало — стали на своемъ: „нейдемъ ни на што“.

Въ разгаръ такого неожиданнаго событія, подали Володѣ телеграмму изъ Парижа, отъ старшаго сына моего Александра. Онъ писалъ что согласенъ подарить крестьянамъ не только что пятую часть, но и весь надѣлъ, если съ оставшимся ~~будетъ~~ возможность прожить намъ и матери нашей безъ ~~большаго затрудненія~~, съ помощью труда.

Прочитавши депешу, Левшинъ вышелъ изъ себя окончательно и отдавая ее Володѣ сказалъ, — спрячь ее подальше, вы намъ того натворите, что и не расхлебаешь. Введемъ уставную грамоту, тогда хоть и себя подарите кому хотите. Такихъ дураковъ какъ твои кантеміровцы я не видывалъ. Если ты имъ отдашь пятую часть, снимаю цѣпь, и прощай — вводи самъ уставную грамоту. Выведете изъ терпѣнья хоть кого.

Только на третій день народъ нашъ образумился. Одни изъ свободныхъ крестьянъ напугали ихъ, сказавши, что кто пойдетъ на выкупъ, тѣхъ не допустятъ ни дѣтей крестить, ни венчать, ни хоронить умершихъ и на вѣки вѣковъ они останутся крѣпаками.

Когда все было улажено, уставныя грамоты готовы, народъ снова собрался около дома. День былъ прелестный. Среди поля стоялъ налой, на немъ крестъ и Евангеліе, дымилось приготовленное кадило и неподвижно горѣли передъ образомъ Спасителя восковыя свѣчи. Вблизи стоялъ священникъ съ причтомъ.

Громко, тронутымъ голосомъ Александръ Сергѣевичъ сталъ читать уставную грамоту. Сотни народа придвинулись къ крыльцу; когда онъ кончилъ и поздравилъ, толпа окружила насъ — кто цѣловалъ у насъ руки, кто обнималъ рыдая, кто кланялся въ ноги. Между тѣмъ священникъ облачился. Подъ безоблачнымъ темно-голубымъ небомъ, въ неподвижномъ воздухѣ блеснулъ золотой крестъ и начался



благодарственный молебень. Народъ и всѣ мы опустились на колѣни. Что за взоры умиленія поднялись къ небесамъ! Что за слезы катились на землю! Какія жаркія, сердечныя молитвы лились изъ простыхъ сердецъ за Царя-Освободителя.

Т. Лассекъ.





## ИЗ ПЕРЕШИСКИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

НЕАПОЛЬ.

1-й день.

**Н**ЕКОЛЬКО дней спустя, какъ я отправилъ тебѣ письмо, мы оставили Римъ. Сначала дорога не представляла ничего необыкновеннаго. Встрѣчались красивыя группы горъ, лишенныя, впрочемъ, всякой растительности. Двѣ послѣднія станціи были сплошной садъ. Подлѣ фруктовыхъ деревьевъ гирляндами росъ виноградъ. Это очень красиво. Я почти не отходилъ отъ окна вагона, мнѣ хотѣлось поскорѣй увидѣть Неаполь, конечно для того, чтобы умереть. Ты знаешь, у итальянцевъ существуетъ пословица: „Vedere Napoli e poi morire“ (увидѣть Неаполь и потомъ умереть). Мои ожиданія длились не долго. Мы пріѣхали. Собрали наши вещи, наняли извозчика и направились къ Hôtel Вашингтонъ. Ѣхали мы все время берегомъ моря. Съ лѣвой стороны возвышался Везувій, изъ него шелъ тоненькій дымокъ; вдали справа виднѣлся островъ Капри, а прямо безконечное море, сливающееся съ горизонтомъ.

Наша гостинница окружена садомъ, выходящимъ на море. Я, конечно, и не подумалъ войти въ комнаты, а прямо побѣжалъ въ садъ. Выбралъ бесѣдочку у самого моря и сталъ



смотреть на волны, которые были совсемъ близко. Воздухъ наполненъ запахомъ моря. Этимъ воздухомъ какъ-то особенно легко дышется. Насмотрѣвшись и набѣгавшись вдоволь, я пошелъ къ своимъ, чтобы немножечко поѣсть. Намъ подали громадную миску макаронъ съ краснымъ соусомъ изъ томатовъ, затѣмъ супъ изъ различныхъ рыбъ и морскихъ животныхъ, это очень вкусно, бифштексъ, который спросила мать, она постоянно меня кормила бифштексами, затѣмъ было еще что-то, но я главнымъ образомъ ѣлъ фрукты, свѣжіе миндальные и грецкіе орѣхи.

Послѣ обѣда мы сейчасъ же отправились въ Villa Nazionale. Съ нея дивный видъ на море, Везувій и другія горы съ болѣе причудливыми формами. Среди богатой растительности почти на каждомъ шагу встрѣчаются статуи и фонтаны. Изъ статуй мнѣ всего болѣе понравился умирающій гладиаторъ, а изъ бюстовъ — Торквато Тассо. Осмотрѣвши насколько было возможно садъ, мы выбрали себѣ хорошенькое мѣстечко у моря, сѣли къ столику, спросили мороженого и начали слушать музыку. Каждую минуту къ намъ подходили продавцы зонтовъ, палокъ, коралловъ, раковинъ, статуэтокъ и главнымъ образомъ восковыхъ свечекъ. Передъ нашими глазами прошло такое множество самаго разнообразнаго народа, что мы, рассматривая лица и костюмы, совсемъ не замѣтили, какъ подошли сумерки. Зажгли фонари, садъ принялъ волшебный видъ.

Море потемнѣло и давало о себѣ знать только прибоемъ волнъ. Оставя Will'у, мы пошли по берегу Chiaia, на Толедо, самую большую изъ неаполитанскихъ улицъ, и такъ до театра S. Carlo. Это громаднѣйшій театръ. Мы наскоро на него взглянули и сейчасъ же пошли на набережную St. Lucia. Здѣсь мы стали дожидаться восхода луны. Сначала между двумя горами, красивой формы, показался точно мѣдный кругъ, кругъ этотъ становился все блестящѣе и блестящѣе, наконецъ, показался краешекъ луны. Какая-то золотая рябь пробѣжала по морю и



Везувію. Когда луна встала высоко надъ горизонтомъ, горы какъ бы удалились. Впереди всѣхъ, какъ сторожъ, стоялъ Везувій.

Набережная St. Lucia вся залита огнями. На ней выстроено множество лавочекъ, въ которыхъ идетъ самая оживленная торговля Frutti di mare (разными морскими животными), до которыхъ итальянцы большіе охотники. Различныя улитки въ красивыхъ раковинкахъ, устрицы, морскіе ежи поглощаются ими въ громадномъ количествѣ. Они ѣдятъ все, что вытаскиваютъ сѣтями изъ моря. Подлѣ этихъ лавочекъ всегда собирается публика. Мы также остановились посмотрѣть. Къ намъ подошелъ рыбакъ и предложилъ какія-то сѣренькія трубочки, формой напоминающей плитку шоколада. Отецъ спросилъ, что это такое? — „А это очень вкусно“, отвѣтилъ рыбакъ. — „Да я не знаю даже, какъ это ѣдятъ“, продолжалъ отецъ. — „Очень просто. Вотъ такъ“. Онъ взялъ эту плитку за одинъ конецъ, поднесъ ко рту, подавилъ ея выдавилъ его родъ огромнаго червяка, и тотчасъ изъ нея проглотилъ. Съ чувствомъ отвращенія мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Рыбакъ видя, что мы намѣрены уйти, сказалъ: „Если сами не хотите ѣсть, то заплатите мнѣ за то, что я съѣлъ“. Ему заплатили на наши деньги пятнадцать копѣекъ. Говоръ, шумъ, свистъ стоятъ на набережной поразительные. Они сопровождали насъ до самой гостиницы.

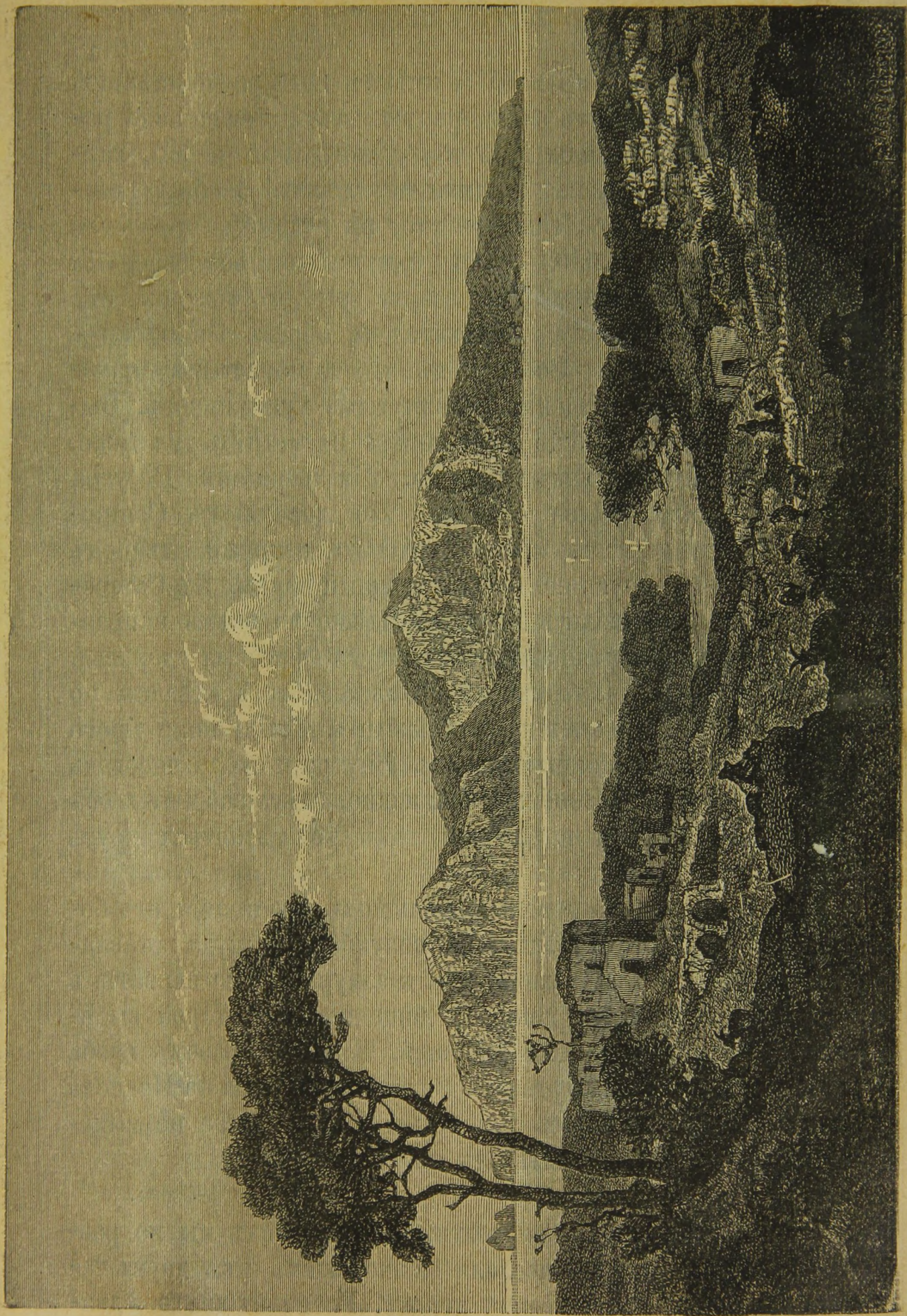
2-й день.

На утро пошелъ небольшой дождь, благодаря которому мы только и остались въ Неаполѣ. Мать не переноситъ жара. Она еще въ Римѣ рѣшила осмотрѣть Неаполь осенью. После завтрака намъ подали коляску и мы поѣхали посмотреть городъ, монастырь Санъ-Мартино и кладбище. Улицы Неаполя, кромѣ Толедо и площадей, имѣютъ курьезный видъ. Рядомъ съ высокимъ прекрасной архитектуры домомъ стоитъ крошечный полуразрушенный, грязный одно-этажный; рядомъ съ двухъ-этажнымъ высится, какъ шесть, шести-этажный, въ



одно окно. Глядя на уличныя сцены, думаешь, что у неаполитанцевъ совсѣмъ нѣтъ квартиръ. На улицѣ они варятъ кукурузу, чешутъ себѣ волосы, брѣются, стираютъ бѣлье. Ослики въ Неаполѣ имѣютъ видъ подвижныхъ зеленныхъ лавочекъ. Наверху ихъ сѣдель устроены вѣсы, по бокамъ висятъ по плетеному конусообразному мѣшку, гдѣ лежитъ всякая всячина. Эти ослики въ сопровожденіи торговца или торговли обходятъ всѣ улицы Неаполя. Въ часы, въ которые они обыкновенно проходятъ, обитатели шестаго этажа ждутъ ихъ у окна съ корзиночками на готовѣ. Услыша издали звонъ бубенчиковъ, изъ оконъ посредствомъ длинной веревки съ положенными туда нѣсколькими солдо (копѣйка), спускаются внизъ упомянутыя корзиночки, продавецъ или продавщица останавливаетъ свою подвижную лавочку — ослика, развѣшиваетъ товаръ, беретъ деньги, затѣмъ дернувъ за веревку идетъ далѣе, а товаръ поднимается вверхъ, тоже дѣлается съ рыбой, и съ фруктами. Поглядывая на разныя сцены мы незамѣтно подѣхали къ горѣ, на верху которой расположенъ монастырь Санъ-Мартино. Дождь давно смѣнился солнцемъ. Мы начали подниматься на гору довольно отлогую, по сторонамъ много зелени, изъ-за которой нѣтъ, нѣтъ да и выглянетъ море. Самый монастырь стоитъ на площадкѣ, обнесенный галлереей съ колоннами. Внутри его Campo-santo кладбище, поросшее кипарисами, лаврами и тополями. Среди этой зелени подъ яркими лучами итальянскаго солнца мы ви дѣли старичковъ капуциновъ, одѣтыхъ въ бѣлыя, какъ ихъ бороды, одежды, они бродили среди бѣлыхъ же памятниковъ и очищали ихъ отъ упавшихъ вѣтокъ и листьевъ. Хорошо, Катя, въ этомъ тихомъ жилищѣ. А какой отсюда видъ на Неаполь и его окрестности! Право стоишь, смотришь и не вѣришь, что это дѣйствительность, или продолженіе той волшебной сказки, которую мнѣ рассказывала моя бабушка. Осмотрѣвши кладбище, мы вошли въ самый монастырь. Что за великолѣніе! Престолы, исповѣдальницы, полы—все сдѣлано изъ





ОСТРОВЪ КАПРИ.



различныхъ кусковъ мрамора и имѣютъ видъ роскошнѣйшей мозаичной работы. Изъ мрамора же самой тончайшей работы сдѣланы гирлянды цвѣтовъ, украшающія стѣны, карнизы и колонны. А какія мозаики изъ дерева! А образа, статуи! Снятіе со креста Спаньелетто, въ ризницѣ, привлекло особенно мое вниманіе. Этотъ измученный безжизненный ликъ Христа, приковываетъ взоръ, ты не можешь отъ него оторваться... затѣмъ замѣчателенъ образъ Станціони—Лѣстница страданій. Вообще въ этомъ монастырѣ находятся лучшія произведенія упомянутыхъ художниковъ. Выходя изъ него, мы еще разъ пошли посмотрѣть на море. Оно было гладко, какъ зеркало. На вершинѣ Везувія, точно отдыхало, бѣлое облачко. По дорогѣ къ Сатро-санта мы посмотрѣли, конечно только снаружи, дворецъ Саподимонте, вокругъ него великолѣпный паркъ. Къ Сатро-санта опять поднимались въ гору. Здѣсь по всѣмъ направленіямъ вьется виноградникъ, растутъ фиговые деревья, кактусы и алоэ. Памятники на этомъ кладбищѣ сдѣланы по большей части по египетскимъ образцамъ. Между ними много и часовень. Это семейные склепы. Внутри и около часовень множество цвѣтовъ. Вообще какъ, видно, здѣсь заботятся объ умершихъ. Всѣ эти памятники какъ то тѣсняются другъ подлѣ друга.

Для бѣдныхъ, на довольно большомъ разстояніи отъ богатыхъ гробницъ, устроенъ родъ колумбаріума, куда вставляются ящики съ тѣлами умершихъ, и замуравливаются; затѣмъ снаружи вставляется мраморная дощечка, на которой высѣкается имя умершаго или умершей. Такимъ образомъ гроба ставятся въ нѣсколько этажей. Видъ съ кладбища на Неаполь прекрасный. Вернувшись домой, мы никуда болѣе не выходили. Завтра рѣшили выѣхать въ Сорренто.

3-й день.

Сборы наши были не долги, вещей своихъ мы не разбирали. Позавтракали, послали за экипажемъ и къ двумъ часамъ были уже на желѣзной дорогѣ. Ровно въ два часа дви-

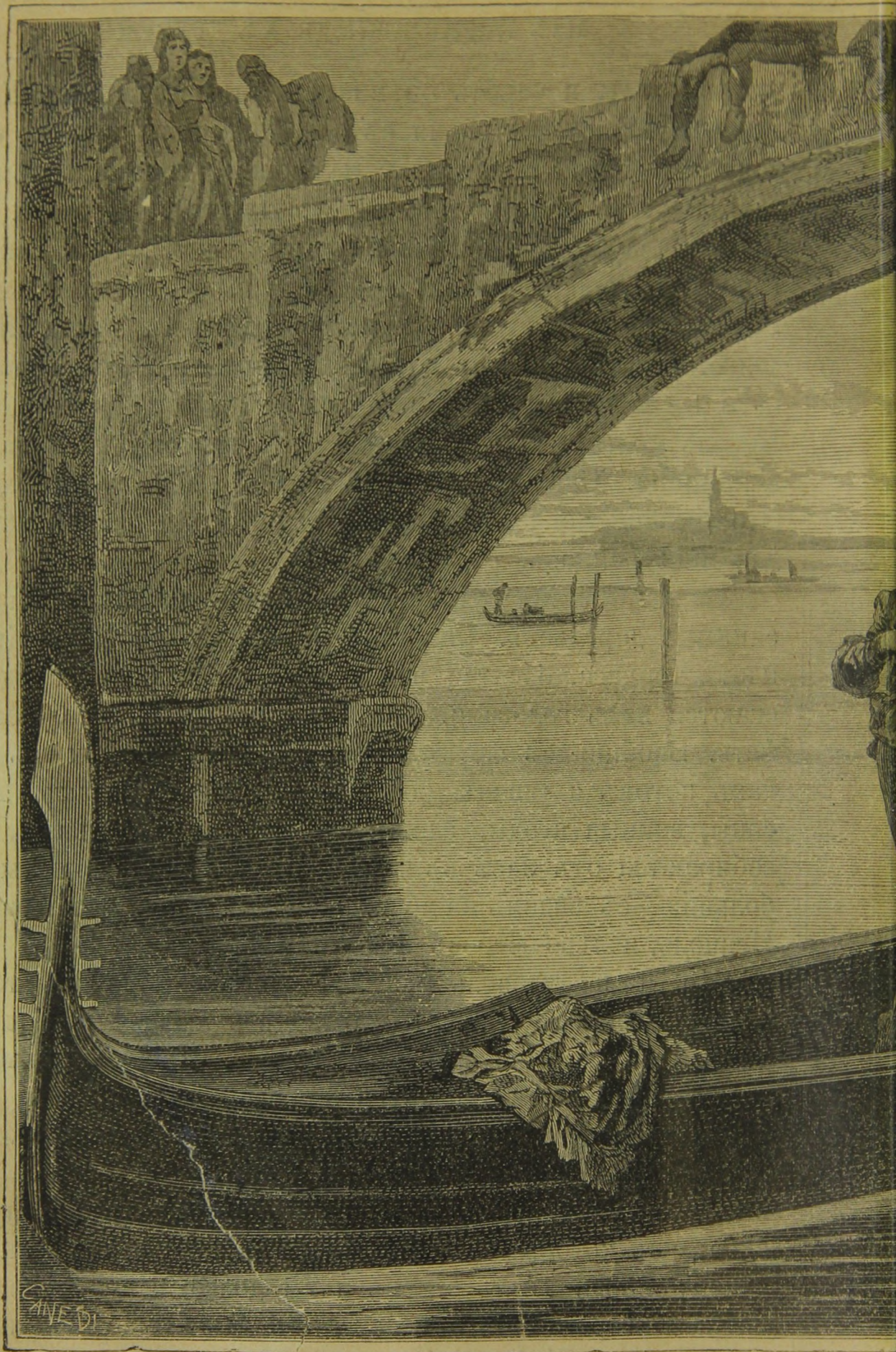


нулся поѣздъ, и черезъ 55 минутъ мы пріѣхали въ Кастелламаре. Дорога все время съ одной стороны шла по берегу моря, съ другой попадались маленькія селеньица, домики и бесѣдочки въ помпейскомъ вкусѣ. Лучшая, здоровая часть Кастелламаре расположена на горѣ. Внизу, такъ какъ это торговый городъ, жили люди разныхъ національностей. Грязь на набережной ужасная. Здѣсь мы оставались не долго. Наняли коляску и поѣхали въ Сорренто. Дорога въ него идетъ по горамъ, съ которыхъ такъ хорошо видно море! Черезъ полтора часа постоянно ахая, мы подѣхали къ Willa Siscumella. Она отстоитъ отъ города на полъ-часа ходьбы. Это бывшій монастырь, превращенный теперь въ пансіонъ для иностранцевъ.

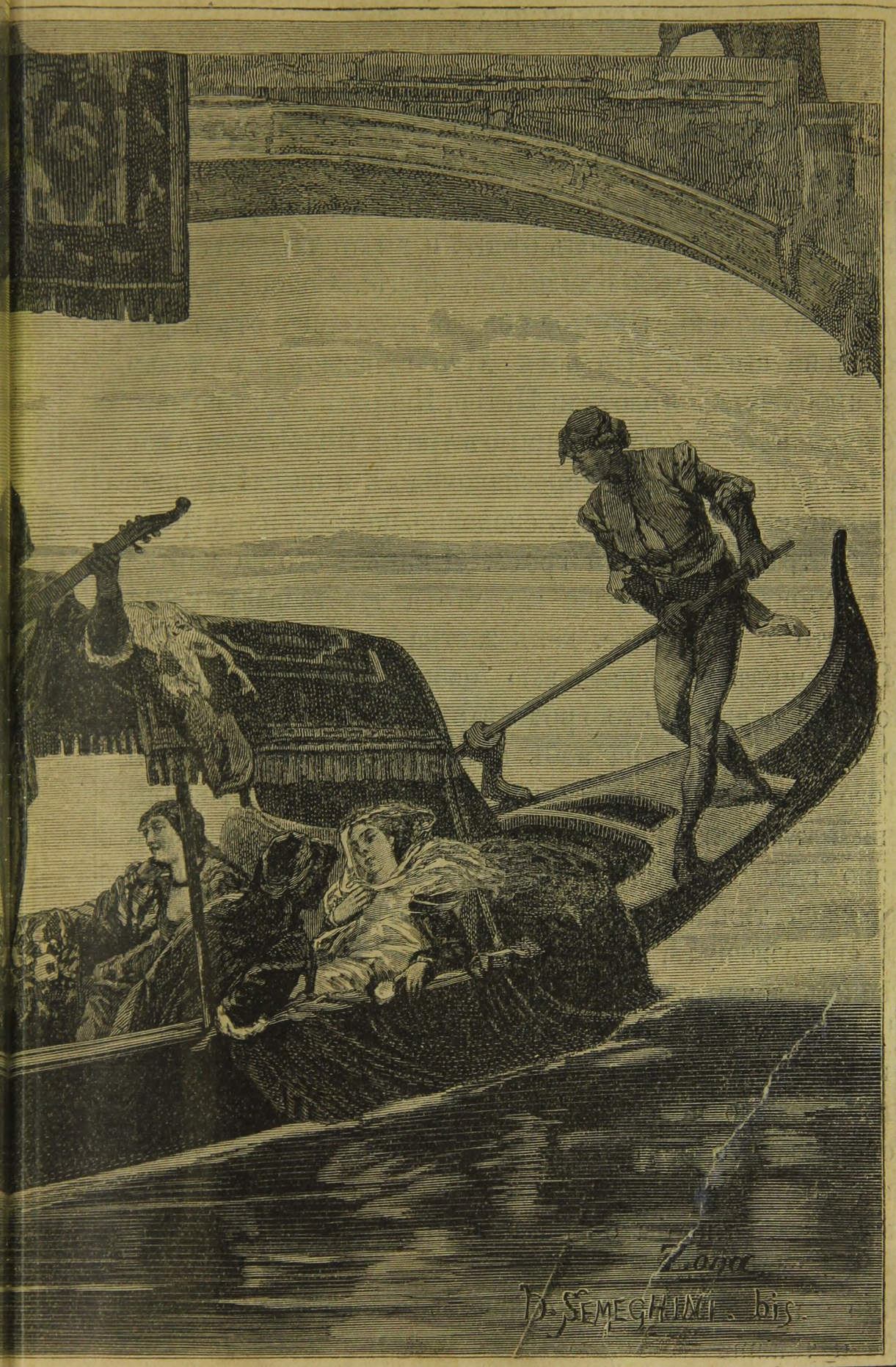
Вилла Сиситела утопаетъ въ садахъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Она стоитъ на высокой горѣ. Кругомъ идетъ терраса, обвитая виноградомъ. Кисти винограда спускаются надъ головами. Когда онъ созрѣетъ, мы будемъ его ѣсть. Вообще всѣ фрукты, которые намъ подали къ столу, какъ потомъ я узналъ, растутъ въ нашихъ садахъ. Апельсины, винныя ягоды, сливы, грецкіе и миндальные орѣхи собираются отъ насъ въ пяти шагахъ. Наши комнаты очень большія—съ видомъ на море. Направо виднѣется Везувій и Неаполь, налѣво островъ Искія и Капри.

Но я не удовольствовался видѣть море съ террасы и изъ оконъ, я хотѣлъ его видѣть вблизи и спросилъ чтобы мнѣ указали къ нему дорогу. Пройдя немного по двору, обнесенному вокругъ высокой стѣной, мы вышли на небольшую площадку и начали спускаться внизъ по ступенямъ. Прошли по нѣсколькимъ комнатамъ, иные совершенно темные, въ другихъ образовались точно слуховыя окна, изъ которыхъ видно море. наконецъ подошли и къ самому морю. Былъ отливъ и мы долго шли по песку. Я набралъ горсть этого песка—онъ былъ еще мокръ и сѣраго цвѣта. Когда я его сбросилъ, мнѣ начало щипать немного руку. Онъ пропитался солью. Какая масса здѣсь









70700  
D. SEMEGHINI. lit.

ПРОТЪ.



раковинъ, разныхъ красивыхъ камней и различныхъ травъ. На большихъ каменьяхъ сидѣло много народа — все жители нашей Кукумеллы! Много было и дѣтей, посмотрѣвши на нихъ я подумалъ: найдутся и мнѣ здѣсь товарищи и для купанья, и для прогулокъ. Вскорѣ пришелъ отецъ, и мы стали дожидаться заката, котораго кажется ожидали и другіе. Солнце передъ закатомъ точно вошло въ густое облако, отстоящее отъ горизонта довольно высоко. Но вотъ лучи пронзили его точно стрѣлы и пробившись озолотили Искію, Капри и море, положивъ на его поверхность какіе-то огненные штрихи. Послѣ заката всѣ вернулись домой, за чаемъ перезнакомились и на слѣдующее утро рѣшили, если море будетъ спокойно, поѣхать на островъ Капри, посмотрѣть Лазурный гротъ. Я видѣлъ его на картинахъ и восхищался. Вообрази же, что я чувствовалъ когда услышалъ, что я не далѣе, какъ завтра увижу его въ натурѣ. Я рѣшилъ не спать всю ночь и ждать разсвѣта. Надобно тебѣ сказать, что гротъ этотъ смотрятъ только въ хорошую погоду, когда на небѣ нѣтъ ни одного облачка и кроме того непременно въ 12 часовъ. Мать долго уговаривала меня идти спать, но я просилъ ее не принуждать меня. И хорошо сдѣлала. Когда въ столовой я остался одинъ и воцарилась тишина, я, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, скоро заснулъ, въ томъ же самомъ креслѣ, на которомъ рѣшилъ дожидаться утра.

Въ 1/2 5-го утра, когда подали кофе, и комната была полна паровъ, моя мать еле меня добудилась. И какъ мнѣ было совѣстно просыпаться при всѣхъ тѣхъ, при которыхъ говорилъ, что не буду спать до утра. А тутъ подошла какая-то русская дама и сказала смѣясь: „Ну а что, молодой человѣкъ, было бы съ нами, если бы мы понадѣялись что вы насъ разбудите?“

— Что бы было съ нами? отвѣчалъ я, сконфуженный, — спали бы и теперь.

Въ шесть часовъ въ двухъ лодкахъ мы отправились на Капри. Не безъ страха, Катя, я сѣлъ въ лодку и когда мы



были далеко отъ берега, у меня закружилась голова, хотя море было покойно. Черезъ часъ поднялся довольно сильный вѣтеръ. Мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что меня посадили на дно лодки. Я стоналъ и такъ метался, что меня держали за ноги и за руки. Лодку точно скорлупку такъ и подбрасывало то вверхъ, то внизъ. Доѣхали мы только черезъ два съ половиною часа. Меня на рукахъ донесли до гостинницы; я думалъ что умру. Въ гостинницѣ мнѣ дали нюхать спиртъ. Кромѣ того я съѣлъ чуть не цѣлый лимонъ. Кстати, лимоны здѣсь сладкіе. Это особый родъ лимоновъ. Странная это морская болѣзнь, Катя. Когда тебя выносятъ на берегъ, ты сейчасъ же начинаешь себя чувствовать хорошо. Такъ случилось и со мной. Черезъ три четверти часа, я былъ уже на улицѣ, гдѣ насъ ждали восемь ословъ, разукрашенныхъ цвѣтами, перьями и бубенчиками.

Надобно тебѣ сказать, что островъ Капри очень оригиналенъ. Онъ имѣетъ видъ семи колоссальныхъ сахарныхъ головъ выходящихъ изъ моря. Такова форма скалъ. Прежде чѣмъ дойти до гостинницы, приходится подняться чуть ли не на 500 ступеней высѣченныхъ въ самой скалѣ. Я не знаю труденъ ли этотъ подъемъ! меня, какъ тебѣ извѣстно, несли на рукахъ. Это смѣшно, но я не могъ идти. Когда вся наша компанія собралась, мы сѣли на осликовъ, и они зашагали. Проводники шли рядомъ и тыкали въ нихъ палками. Возмутительно. Но не смотря на пинки ослы продолжали идти шагомъ и только вертѣли хвостами. Сидя на осликѣ, я изрѣдка держалъ его за длинныя уши. У моего была надѣта красная уздечка съ большими красными же кистями. Самъ онъ сѣренькій съ черной полосой на спинѣ. Взобрались мы на нихъ очень высоко, до развалины дворца Тиберіа. Этотъ тиранъ, стоя на высотѣ, бросалъ въ моръ христіанъ. Камень брошенный съ такой высоты летитъ  $\frac{1}{2}$  минуты. Въ этихъ развалинахъ намъ подали прекраснаго капрскаго вина, а наши проводники протанцовали тарантеллу (неаполитанскій танецъ). Чуть не забылъ ска-



затѣ тебѣ объ одномъ замѣчательномъ явленіи. Здѣшніе, я хочу этимъ сказать, вообще неаполитанскіе мальчишки выбиваютъ на своихъ челюстяхъ разныя аріи. Когда они бьютъ себя кулаками по подбородку, тебѣ дѣлается страшнo, того и гляди у нихъ вылетятъ всѣ до одного зуба. Напротивъ, зубы у нихъ прекрасные, бѣлые, крѣпкіе, и бьютъ они по нимъ кулаками, какъ по клавишамъ. Такія штуки только въ Неаполѣ и можно встрѣтить. Мальчишки эти черны, какъ цыганята и почти голые. Мы видѣли у одного рубашку грязи непомѣрной, которая держалась на одномъ рукавѣ.

Забравшись на самое высокое мѣсто называемое Барбарусса, мы записали свои имена. Вотъ, если ты когда нибудь поѣдешь на Капри, то между тысячами именъ, найдешь и мое. Тогда ты напиши, свое рядомъ съ моимъ. Съ этихъ скалъ я привезу тебѣ и цвѣтовъ и различныхъ травъ. Я ихъ нарвалъ очень много.

Спустившись, мы сѣли снова въ лодку и поѣхали къ Лазурному гроту. Было половина 12-го. Вода у грота цвѣталаписъ-лазури. У входа въ него мы остановились. Солнечные лучи ударялись прямо у этого отверстія. Съ виду отверстіе кажется маленькимъ, меньше чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Въ лодкѣ насъ сидѣло четверо. На морѣ было легкое волненіе. Когда лодку повернули носомъ къ отверстию намъ велѣли побольше нагнуться, что мы и исполнили. Набѣжала волна, и втолкнула насъ во внутренность грота. Поднявши голову, Катя, я былъ пораженъ. Описать этотъ гротъ нельзя. Это волшебство, это миражъ, словомъ что-то необычайное. Какъ бы тебѣ сказать, что это такое. Съ перваго раза онъ мнѣ показался точно натертымъ фосфоромъ, знаешь, когда въ темнотѣ натираешь спичками ладонь. Ты вѣрно это также пробовала? Но нѣтъ и это не совсѣмъ то, цвѣтъ его скорѣе свѣтло-бирюзовый и этотъ цвѣтъ распространенъ по всему гроту. Надъ головой, точно у насъ зимой замершія капли, висятъ stalactites. И все это голубое. У самага входа падаетъ



свѣтъ точно отъ луны. Вода въ гротѣ темнаго цвѣта, опущенныя же въ воду весла точно серебряныя. Когда мы стояли по срединѣ—надобно тебѣ сказать, что этотъ гротъ очень великъ въ родѣ нашего большого концертнаго зала съ хорами—одочникъ предложилъ броситься въ воду, это стоитъ всего одинъ рубль. Мы конечно попросили его это сдѣлать. Онъ моментально сбросивъ съ себя куртку, погрузился въ воду и поплылъ. Вся его фигура въ водѣ казалась вылитой изъ серебра, а голова черная, какъ у араба. Вслѣдствіе чего подобное явленіе, я не берусь тебѣ объяснить. Капли, падающія съ веселъ, тоже кажутся серебряными. Я думаю, лучше Лазурнаго грота едвали можно что-либо встрѣтить, хотя входъ въ него не совсѣмъ безопасенъ. Намъ рассказывали, что иногда изъ него трудно бываетъ выйти. На море нельзя рассчитывать. Вдругъ сдѣлается волненіе, и волны разбиваясь у отверстія закрываютъ его совершенно. Разъ, англичане прожили тамъ около двухъ сутокъ. Этого бы я не желалъ, не смотря на его прелесть. Говорятъ, когда солнце заходитъ за горы, волшебный гротъ дѣлается обыкновеннымъ сѣрымъ гротомъ.

Къ вечеру мы вернулись въ Сорренто. Море было спокойное, но я все также лежалъ на днѣ лодки.

Съ завтрашняго дня начну купаться и пойду осматривать Сорренто. Оно будто бы совсѣмъ не красиво. Что-то теперь дѣлается у васъ? Буду ждать отъ тебя письма. На меня ты жаловаться не можешь.

Твой Толя.





## LAURO DELL'ISOLA BELLA.



РЕДИ магнолій, миртъ и розъ,  
Гигантскій лавръ главу вознесъ;  
Кругомъ прозрачно, какъ стекло,  
Роскошно озеро легло;  
Въ него глядятъ со всѣхъ сторонъ  
Сады и виллы; небосклонъ  
Сокрытъ громадой чудныхъ горъ...  
Но тщетно хочетъ жадный взоръ  
Упится прелестью картинъ,—  
Надъ нами мощный властелинъ,  
Гигантскій лавръ, опять встаетъ  
И чудно взоръ къ себѣ влечетъ!

\* \* \*

Онъ гордъ и мраченъ; тутъ однажды,  
Во цвѣтѣ лѣтъ, томимый жаждой  
Великихъ дѣлъ, Наполеонъ  
Былъ долго въ думу погруженъ.  
За нимъ суровыя вершины  
Вносили Альпы — исполины;  
А вотъ Италія, она  
Давно желанная страна,  
Страна побѣдъ и громкой славы!  
И что-жь? Лавръ гордый, величавый,  
Его у вратъ ея встрѣчалъ  
И ужъ главу его вѣнчалъ!

\* \* \*



И говорятъ, великій воинъ  
Стоялъ здѣсь долго, гордъ, спокоенъ;  
На лавръ орлиный взоръ вперивъ,  
И тихо руки раскрестивъ,  
Онъ начерталъ на древѣ слово,  
И закрестивши руки снова,  
Отъ лавра къ лаврамъ онъ потекъ! —  
И лавръ то слово уберегъ:  
Не имя милой, не молитва,  
То слово было, слово битва,  
Залогъ того, что будетъ онъ  
Во вѣки лавромъ осѣненъ!

\* \* \*

И много лѣтъ тому прошло,  
И слово битва заплыло!  
Какъ много путниковъ съ тѣхъ поръ  
На слово то вперяло взоръ,  
Какъ много имъ внушало думъ  
И слово, то и лавра шумъ! —  
И я подъ лавромъ тѣмъ стоялъ,  
Но битвы я не призывалъ;  
Нѣтъ, тишины была полна  
Тогда душа моя, она  
Шептала сладко мнѣ: „Живи  
Для вдохновенья и любви!“


17 августа. Стреза (Lago Maggiore).





## БѢЛАЯ МАРГАРИТКА.

### I.

ЮДА, сударыня, лѣстница крута и неудобна. Походите минуточку! Я открою дверь. Вотъ тутъ она, бѣдняжка. Дорогая моя, тебя пришла навѣстить одна дама.

Такъ говорилъ сторбленный старикъ въ поношенномъ платьѣ съ длинными, сѣдыми волосами, падавшими на плечи; темносѣрые глаза его свѣтились достоинствомъ, умомъ, талантомъ и заставляли забывать его бѣдную одежду. Личность, къ которой онъ обращался, была женщина среднихъ лѣтъ, одѣтая въ темносѣрое холстинковое платье, черную шаль и черную шляпку съ длиннымъ, чернымъ вуалемъ. Простодушное, доброе лице ея возбуждало довѣріе.

Въ комнатѣ, куда она вошла, на брошенномъ на полъ тюфякѣ лежала больная дѣвочка, до того изнуренная болѣзнью, что трудно было рѣшить какого она была возраста.

Въ лицѣ женщины выразилось грустное сочувствіе, не смотря на то, что она привыкла къ такимъ печальнымъ зрѣлищамъ.

— Это одна изъ добрыхъ миссіонерокъ, дитя мое, сказалъ старикъ, ласково склоняясь къ больной. Она постарается помочь тебѣ.

Изъ распухшихъ губокъ вырвались слова, произнесенныя слабымъ дѣтскимъ голоскомъ, такъ невнятно, что трудно



было ихъ понять, но женщина поняла. Она опустилась на колѣни передъ постелью, говоря:

— Да, милое дитя, надѣюсь помочь тебѣ, болѣзнь твоя не опасна. Что у тебя болитъ? Все, говоришь ты? бѣдняжка! Да, такъ и должно быть. Я останусь у тебя всю ночь. Ты поблагодаришь своего доброго сосѣда, когда поправишься, онъ привелъ меня къ тебѣ.

— Что за благодарность! сказалъ старикъ, и по вернувшись вышелъ изъ комнаты. Спокойно закрывъ дверь, онъ опустился по лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ.

Комната, въ которую вошелъ старикъ, представляла рѣзкій контрастъ бѣдности съ роскошью. Всю мебель составляла кровать, два стула съ потертыми, бархатными подушками, обрывокъ дорогаго ковра. У камина, въ которомъ тлѣлось нѣсколько кокса, и у стѣны виднѣлся бѣлый сосновый столъ, самой простой работы; противъ камина стоялъ изящный рѣзной дубовый шкафъ, а на стѣнѣ, оклеенной старыми обоями, висѣла картина безъ рамы; на ней изображена была дѣвушка, ослѣпительная красота которой, казалось, озаряла всю комнату. Глаза ея блестѣли, какъ живые, полуоткрытый ротикъ улыбался, волны каштановыхъ волосъ ниспадали на прелестную бѣлую шейку. Къ густымъ кудрямъ ея прижался бѣленькій голубокъ.

Рѣдкіе и случайные посѣтители этой комнаты почти всегда заставляли старика передъ картиной. Его мягкія, привѣтливыя манеры представляли такой же рѣзкій контрастъ съ его бѣдной одеждой, какъ и картина, которой онъ поклонялся, сравнительно съ его комнатой.

Старикъ жилъ въ этой квартирѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, но ни съ кѣмъ не сходилъ, только вѣжливо приподнималъ шляпу при встрѣчѣ на лѣстницѣ съ кѣмънибудь изъ сосѣдей. Однажды, ночью, онъ услышалъ въ верхнемъ этажѣ жалобный крикъ ребенка, поспѣшные шаги и громкіе голоса женщинъ.



Онъ отворилъ дверь, сталъ прислушиваться и спросилъ спускавшуюся сверху женщину, что такое случилось?

— Бруксъ, отвѣтила она, пришла домой не въ своемъ видѣ и перепугала маленькую больную.

— Не могу ли я быть чѣмъ нибудь полезень? спросилъ онъ.

— Врядъ ли, дѣвочка, я думаю, умереть, да и хорошо сдѣлаетъ.

Женщина спустилась внизъ, а шумъ наверху продолжался еще нѣсколько времени; послышалось паденіе чего-то тяжелаго и все стихло.

Старикъ вернулся въ свою комнату, мысль о больной дѣвочкѣ не давала ему покою, хотя онъ никогда не видалъ ее. Ребенокъ-дѣвочка напоминала ему дѣвушку изображенную на картинѣ, висѣвшей на его стѣнѣ, ради нея онъ радъ бы былъ помочь ребенку и каждый день сталъ прислушиваться къ звукамъ раздававшимся въ комнатѣ наверху. Однажды, вечеромъ, шумъ и смятеніе надъ нимъ были сильнѣе обыкновеннаго, распросивши, онъ узналъ, что мать больной дѣвочки умерла, а ребенка сосѣдка унесла къ себѣ въ комнату. Старикъ вошелъ къ сосѣдкѣ и предложилъ свои услуги малюткѣ.

— Хорошо, еслибы вы могли этого бѣднаго ребенка помѣстить въ какой нибудь пріютъ или больницу, сказала сосѣдка, она круглая сирота. Рядомъ съ нами есть благотворительная община, гдѣ, кажется, помогаютъ бѣднымъ. Эта больная дѣвочка не обременитъ ихъ.

Передъ внутреннимъ взоромъ старика мелькнуло прелестное личико изображенное на картинѣ,—онъ вздохнулъ и отвернулся.

— Она слаба и беспомощна, какъ новорожденный младенецъ, продолжала женщина.

— Я отправляюсь сейчасъ же, можетъ и спасемъ ее, тихо сказалъ старикъ.

О! моя милая Маргарита, моя чистая, бѣленькая Маргари-



точка! говорилъ онъ про себя, быстро спускаясь съ лѣстницы. — Лучше, что ты спишь спокойно въ землѣ... и тебя могла ожидать такая же участь. — А вѣдь это могло случиться! могло случиться!.. Говорятъ, она больна отъ дурной пищи, отъ дурнаго воздуха! да, мой милый цвѣточекъ, сердце мое разрывалось отъ горя, но теперь радъ, что ты успокоилась.

Старикъ поспѣшно пошелъ по улицѣ, рѣшившись во что бы то ни стало помочь бѣдному ребенку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ дошелъ до большаго дома благотворительной общины, отличавшагося чистотой и опрятностью отъ окружающихъ его построекъ. Въ этой общинѣ находилось много образованныхъ дамъ лучшаго круга, посвятившихъ себя страждущему человѣчеству и простыхъ добродушныхъ женщинъ, умѣвшихъ обходиться съ больными. Разсказъ старика, полный искренности и правды, былъ выслушанъ съ участіемъ, и одна изъ членовъ-благотворительницъ поднялась за Бернардомъ Стерндалемъ—такъ звали старика—по темной, крутой лѣстницѣ въ бѣдную квартиру, гдѣ лежала больная.

Устроивши ребенка въ благотворительное общество, старикъ усѣлся передъ картиной, съ тою улыбкой, которая всегда освѣщала его лицо, когда онъ смотрѣлъ на нее и сказалъ: — моя миленькая Маргариточка, я позаботился о бѣдной малюткѣ, не улыбнешься ли ты мнѣ за это! Ахъ! вздохнулъ онъ и улыбка исчезла, какъ бы смытая наворачнувшимися на глаза слезами.

Какъ тяжело было ему жить!

Бернардъ Стерндаль родился талантливымъ; къ несчастью родители его были люди простые и не могли понять серьезнаго, молчаливаго мальчика съ странно свѣтящимся взоромъ. Онъ не участвовалъ ни въ играхъ деревенскихъ дѣтей, ни въ общественныхъ празднествахъ. Въ свободные часы бродилъ онъ по горамъ, рано утромъ встрѣчалъ восходъ солнца и, не смотря на это, всегда во время являлся



въ школу, гдѣ былъ самымъ кроткимъ, прилежнымъ и любимымъ ученикомъ.

Старый учитель предсказывалъ, что Бернардъ будетъ современемъ великимъ художникомъ, и въ доказательство, что не ошибается, показалъ пастору одинъ изъ его рисунковъ сдѣланный водяными красками. На рисункѣ лежалъ отпечатокъ несомнѣннаго таланта. Тогда пасторъ посовѣтовалъ родителямъ мальчика готовить его къ карьерѣ художника и отправить въ Лондонъ учиться живописи. Но отецъ Бернарда разсмѣялся такому совѣту. „Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, мой сынъ долженъ ходить за плугомъ, какъ ходилъ его отецъ, или приняться за какое нибуть честное ремесло, а не тратить время на пустое маранье картинъ“.

Рѣшили помѣстить мальчика къ переплетчику въ сосѣднемъ городѣ. Переплетая книги, Бернардъ читалъ ихъ съ увлеченіемъ и жадно упивался тѣми, которыя говорили о художникахъ, о людяхъ вышедшихъ изъ народа и ставшихъ великими. О, какъ онъ молился, чтобы Господь помогъ ему сдѣлаться современемъ такимъ же, какъ и они.

Не подходящее мальчику ремесло переплетчика, наконецъ, такъ надоѣло ему, что онъ рѣшился бросить его, ѣхать въ Лондонъ, поступить къ какому нибудь живописцу растирать краски, и наблюдая за нимъ учиться своему любимому искусству. Отецъ было страшно разсердился на сына, но мать упростила его, и Бернардъ отправился.

Поступивши къ живописцу, онъ работалъ, учился и наблюдалъ, благоговѣя передъ художникамъ, подъ волшебнымъ прикосновеніемъ котораго, казалось, оживало полотно. Наконецъ, любовь и поклоненіе, [выражавшіяся въ глазахъ мальчика, и его услужливость пробудили сочувствіе художника и онъ сказалъ:

— Возьми кисть, мальчикъ, и нарисуй мнѣ на память то, что ты больше всего любишь. Дрожащей рукой, съ сильно бьющимся сердцемъ мальчикъ принялся рисовать, и на полотнѣ его возшло солнце надъ родными горами. Это



былъ простой набросокъ, весь сіявшій розовымъ отблескомъ утра. Художникъ стоялъ передъ рисункомъ въ нѣмомъ изумленіи.

Съ этой минуты Бернардь Стерндадь сталъ живописцемъ. Но ему не посчастливилось, онъ былъ бѣденъ, одинокъ, безъ протекціи. На его картины никто не обращалъ вниманія, и онъ продавалъ ихъ за ничтожную цѣну, чтобы не умереть съ голоду. Вскорѣ онъ полюбилъ дѣвушку, такую же бѣдную, какъ и былъ самъ, и сталъ раскаяваться глубоко за чѣмъ не остался переплетчикомъ. Мастерствомъ, думалъ онъ, я заработалъ бы болѣе того жалкаго куска хлѣба, который доставляетъ мнѣ живопись. Онъ готовъ былъ бросить палитру и кисти и приняться за какое бы ни было дѣло, лишь бы имѣть возможность, женившись на ней, не доводить до нужды. Но что скажетъ она, если онъ броситъ то искусство, которое такъ возвышало его въ ея глазахъ! Она радостно согласилась дѣлать его бѣдность и жить въ ожиданіи будущей славы. Она сидѣла у него въ мастерской, когда онъ работалъ, пѣла ему пѣсни, занимаясь шитьемъ или вязаніемъ, а солнце золотило ея свѣтлые волосы. Счастливый любовью и искусствомъ, Бернардь забывалъ въ эти свѣтлыя минуты и бѣдность, и страданія. Когда же у нихъ родилась дочь, которую назвали Маргаритой, то онъ принялся за иллюстрированіе, свою большую картину некончивъ, такъ какъ иллюстрированіе оплачивалось лучше.

Когда его красавицѣ-дочери минуло пятнадцать лѣтъ, мать ея, долго и мужественно боровшаяся съ нуждой, стала гаснуть и прежде нежели Бернардь созналъ опасное положеніе жены, она кончила жизнь, и онъ остался одинъ съ Маргаритой.

Однажды, смотря на Маргариту, въ немъ родилось желаніе изобразить ее на картинѣ и представить эту картину въ академію художествъ на выставку. О, какъ онъ работалъ, вдохновляемый дорогимъ ему прелестнымъ личикомъ и радужной надеждой! Картина была окончена, послана въ



академію, повѣшена въ темномъ углу и не продалась. Они бѣдствовали, и молодая дѣвушка стала чахнуть, какъ и ея мать. Дѣла шли все хуже и хуже, онъ со слезами искалъ работы ради нея и не находилъ, а она гасла и—оставила его одного съ картиной.

Онъ лишился силъ и мужества, опускался все ниже, ниже, продалъ свои вещи, кромѣ двухъ стульевъ, шкафа и картины, взялъ скромное мѣсто, нанялъ маленькую квартиру и жилъ воспоминаніемъ прошлаго. Помогать молодымъ дѣвушкамъ, относиться бережно, ласково, нѣжно ко всѣмъ страдающимъ, въ память умершей дочери, было все, что оставалось ему въ безрадостной жизни—вотъ почему онъ отнесся такъ сочувственно къ страдавшему ребенку.

## II.

Въ просторной, чистой, свѣтлой комнатѣ, выбѣленные стѣны которой были украшены хорошенькими картинками, по обѣимъ сторонамъ стояли ряды маленькихъ коекъ, а по срединѣ красивые, деревянные столы. Въ этой комнатѣ на одной изъ коекъ лежала дѣвочка, имя которой (написанное на ярлыкѣ надъ ея кроваткой) было Елизавета Бруксъ. Она была новоприбывшая и сильно больна.—Это самая опасная больная, говорили медики и мало надежды на ея выздоровленіе. Дѣвочка эта была привезена изъ Лондона на пароходѣ и доставлена въ ту больницу, въ которую присылали больныхъ изъ душныхъ многолюдныхъ городовъ и бѣдныхъ селеній.

Солнце ярко свѣтило въ итальянское окно дѣтской палаты, когда одинъ изъ медиковъ прошелъ по ней, останавливаясь у каждой маленькой койки, привѣтствуя ласковымъ словомъ маленькихъ пациентовъ. Нѣкоторые изъ дѣтей сидя играли своими игрушками, другія лежали и широко открывъ глазки глядѣли на золотое солнце, рѣдко освѣщающее жилище бѣдности.



Двое или трое изъ выздоравливающихъ дѣтей, на полу, строили домики изъ кирпичиковъ.

Докторъ подошелъ къ нимъ и попросилъ ихъ выстроить ему домикъ.

Глазки дѣтей просіяли, когда онъ заговорилъ съ ними, онъ зналъ ихъ всѣхъ по имени, любилъ ихъ, сочувствовалъ имъ и интересовался всѣми.

— Ну, моя бѣдная крошечка, какъ ты поживаешь? спросилъ онъ, подходя къ той койкѣ, на которой лежала Елизавета Бруксъ. Она силилась улыбнуться, говорить еще не могла, въ глазкахъ ея сверкнула признательность. Онъ позволилъ сидѣлку, разспросилъ ее о маленькой пациенткѣ, и добродушное лицо его просіяло.

— Я думаю, сказалъ онъ, наша малютка Бетси поправится, это будетъ истинно воскресеніе изъ мертвыхъ. Продолжайте какъ начали, а завтра я вынесу ее на траву если не будетъ худшихъ симптомовъ и погода подходящая. Она увидитъ море и голубое небо, услышитъ, какъ птицы поютъ, какъ волны плещутся о берегъ. Боже мой! спаси ее! говоря это, онъ положилъ руку на головку ребенка, личико больной блеснуло любовью и благодарностью.

— Конечно ей гораздо лучше, сударь, сказала сидѣлка, что же касается того, чтобы вынести ее на воздухъ, не знаю хорошо ли.

— Я это знаю, мистриссъ Систеръ, спорить нечего. Продолжайте давать ей ту же питательную пищу, смачивайте свѣжей водой бѣдное, маленькое личико и вынесите ее на воздухъ. До свиданья, малютка! Я не зайду до вечера, няня, она чувствуетъ себя хорошо.

Онъ вышелъ изъ палаты, потирая руки отъ удовольствія.

А малютки играли, и спали, и болтали между собой о своей прежней жизни; сидѣлки разговаривали и работали, солнце закатывалось, звѣзды одна за другой выступали на небосклонѣ, кроткія волны плескались о берегъ съ мягкимъ ласковымъ журчаніемъ, малютки слышали плескъ ихъ сквозь



сонъ. Бѣдныя, больныя дѣти, не встававшія съ своихъ коекъ, съ удивленіемъ прислушивались къ этимъ незнакомымъ имъ ласкающимъ звукамъ.

Наступило свѣтлое, ясное утро, доктора начали свой обходъ. Бетси тревожно поджидала своего друга. Она вѣрила въ его обѣщаніе и надѣялась увидѣть всѣ тѣ удивительныя картины и услышать тѣ звуки, о которыхъ онъ говорилъ— она заснула съ надеждой.

— Ну, няня, сказалъ докторъ весело, подходя къ кроваткѣ, какъ почивала моя маленькая Бетси? Да, какое у тебя веселенькое личико, ты ожидаешь прогулку, не такъ ли?

— Да, пожалуйста, сказала дѣвочка.

— Конечно, тебѣ надо погулять, вѣдь тебѣ лучше! Что она кушала ночью, няня?

— Проснувшись, она съ аппетитомъ покушала желе и опять уснула покойно.

— Bravo! и такъ мы отправляемся. Заверните ее, няня, въ мягкое фланелевое одѣяло и приготовьте ей постельку на травѣ въ тѣни. Я приду черезъ десять минутъ и перенесу ее, только осмотрю колѣно Джемми и ступню Бетти.

Онъ вернулся въ назначенное время и бережно понесъ дѣвочку по корридорамъ на лужайку, зеленѣвшую на скалѣ надъ моремъ. Погода стояла превосходная, дулъ мягкій западный вѣтерокъ, бѣлыя, перистыя облака тихо плыли по ярко-голубому небу, рыбацкія лодочки скользили по водѣ, большія суда, подъ бѣлыми парусами, качаясь на волнахъ, казались большими птицами.

Докторъ осторожно уложилъ малютку на постельку, укрылъ платками, усѣлся подлѣ нея и тревожно наблюдалъ, какъ переменна мѣста повліяетъ на нее. Нѣсколько времени Бетси лежала неподвижно, молча, съ закрытыми глазами, наконецъ открыла глаза, и указывая своей маленькой исхудалой ручкой, слабымъ голосомъ сказала:

— Что это тутъ бѣлѣется?



— Гдѣ, мое дитя? спросилъ докторъ спокойно, съ сочувствіемъ вглядываясь въ маленькое, дорогое ему личико.

— Тутъ! и она указала не на перистыя, бѣлыя облака, не на бѣлыя паруса судовъ, а на землю подлѣ нее — вотъ тутъ, прибавила она.

— Это? сказалъ онъ съ удивленіемъ, и, сорвавъ маленькую бѣлую маргаритку, подалъ ей.

— Да, что это такое?

— Бѣдное дитя! сказалъ онъ, и глаза его наполнились слезами состраданья, ему показалось ужаснымъ, что есть дѣти, никогда не видавшія маргаритокъ;—неужели ты не видала маргаритокъ?

— Нѣтъ,—она миленькая, могу ее оставить у себя.

— Да, я наберу ихъ тебѣ цѣлый букетъ. Онъ набралъ ей цвѣтовъ и отнесъ ее въ палату. Худенькія ручки дѣвочки были полны маргаритокъ. Сверхъ того, докторъ насыпалъ ей ихъ еще и на ея койку. Съ этого времени онъ каждый день выносилъ ребенка на траву и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока она окрѣпла, стала сама собирать цвѣты въ корзиночку, которую онъ купилъ ей, и плести изъ нихъ гирлянды съ той радостной улыбкой, которую онъ такъ желалъ увидѣть на ея ротикѣ.

### III.

Бѣдный старый Бернардь Стерндаль поступилъ на мѣсто въ лавку позолотчика; оно было нѣсколько лучше занимаемаго имъ до отъѣзда маленькой Бетси, которой онъ такъ интересовался, и къ трогательному положенію которой возбуждалъ столько сочувствія, что была сдѣлана подписка на помѣщеніе ее въ больницу.

Грустно расстался съ ней Бернардь. Онъ былъ увѣренъ, что не увидитъ ее больше, такъ опасно она была больна, когда повезли ее, а если и увидитъ, то что съ нею дѣ-



лать? Добродушная сидѣлка, сопровождавшая малютку, обѣщала ему дать знать о состояніи ея здоровья. Онъ не терпѣливо ожидалъ прихода почты и наконецъ получилъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ его увѣдомляли, что дѣвочка принята въ больницу, но мало надежды на ея выздоровленіе.

Болѣе онъ ничего не слыхалъ о Бетси и думалъ, что она умерла.

Такъ прошло лѣто.

Однажды вечеромъ, кончивъ работу, онъ вошелъ въ лавку чтобы захватить нѣсколько рамъ и отнести утромъ къ одному изъ заказчиковъ. Въ лавкѣ онъ увидалъ пожилого человѣка, съ картиной въ рукахъ, для которой онъ желалъ пріобрѣсти раму. Проходя мимо его, Бернардъ вздрогнулъ при видѣ маленькой картинки, которую тотъ держалъ въ рукѣ, и едва сдержалъ крикъ удивленія, онъ увидалъ старыя родныя горы съ красно-золотымъ солнцемъ восходящимъ надъ ними, это была маленькая картина, нарисованная имъ въ старой мастерской столько лѣтъ тому назадъ.

Бернардъ не могъ ошибиться, онъ не могъ позабыть ее, въ немъ слишкомъ глубоко запечатлѣлось воспоминаніе о той минутѣ, когда его удивленный учитель сказалъ ему, что онъ художникъ. Онъ пристально всматривался въ лице посѣтителя, отыскивая знакомыя черты. Но это былъ человѣкъ незнакомый, непробуждавшій въ немъ никакихъ воспоминаній. Желая узнать какимъ образомъ картинка попала въ его руки, Бернардъ подошелъ къ нему въ то время, когда тотъ готовился выйти изъ лавки.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, остановивши его, извините, что я васъ побеспокою вопросомъ, скажите гдѣ вы добыли этотъ маленькій этюдъ? Какъ онъ попалъ къ вамъ?

Незнакомецъ взглянулъ на стоявшую передъ нимъ сторбленную фигуру, заглянулъ въ большіе глаза, загорѣвшіеся прежнимъ блескомъ при воспоминаніи о томъ, чѣмъ онъ былъ или чѣмъ стремился быть въ давно-минувшіе дни, и сказалъ съ добродушной улыбкой:—мой другъ, этюдъ достался мнѣ



законнымъ путемъ. Онъ принадлежалъ моему дядѣ, а послѣ его смерти перешелъ къ моему отцу вмѣстѣ съ другими вещами и вѣроятно былъ бы заброшенъ, но мнѣ эта вещица нравится, и я удержалъ ее у себя. Отчего вы интересуетесь ею?

— Я нарисовалъ ее, сударь, сказалъ Бернадъ скромно.

— Вы! вы рисовали ее! пойдите ко мнѣ, прошу васъ.

Я живу не далеко.

Бернардъ послѣдовалъ за своимъ новымъ другомъ. Они вошли въ пріемную большаго дома, а оттуда въ библіотеку.

— Садитесь, другъ мой, сказалъ владѣлецъ этого дома Бернаду, указывая мѣсто подлѣ себя на диванѣ, расскажите исторію этой картины.

И Бернадъ рассказалъ свою исторію съ краснорѣчіемъ чувства.

Вспоминая о дняхъ своего дѣтства, когда въ школѣ онъ набросалъ первый рисунокъ дешевыми красками на страницѣ тетрадки; о жизни у живописца, когда, растирая краски, съ восторженнымъ благоговѣніемъ глядѣлъ какъ онъ рисуетъ, и когда перешелъ къ тому дню, въ который художникъ съ улыбкой передалъ ему, юношѣ, свою кисть и велѣлъ ему попробовать свое искусство, его старческое сердце забилося почти также сильно, какъ и въ то время, когда художникъ сказалъ, что каждый штрихъ его дышетъ талантомъ, что онъ рожденъ художникомъ.

Новый другъ Бернарда молча слушалъ его, молча же выслушалъ и печальный рассказъ о страданіяхъ и бѣдствіяхъ, испытанныхъ имъ въ послѣдніе годы, и когда старикъ кончилъ, сказалъ.

— Вы посѣтили меня. Теперь я отправлюсь къ вамъ и взгляну на картину, на которой вы изобразили вашу дочь. Какъ ваша фамилія?

— Бернадъ Стерндаль.

— Вѣрно. Въ дневникѣ своемъ дядя упоминаетъ о томъ, что мальчикъ по имени Бернадъ Стерндаль нарисовалъ съ такимъ талантомъ небольшой этюдъ, что онъ пред-



видѣлъ въ немъ великаго художника.—Предсказаніе дяди не сбылось, прибавилъ онъ, ласково подавая ему руку; но если вамъ не удалось сдѣлаться великимъ художникомъ, по крайней мѣрѣ вы не будете нуждаться. Ну, отправимся!

## IV.

Она далеко не хорошенькая, но красивѣ всякой хорошенькой, эта маленькая, веселая, ясная, молодая дѣвушка, которая въ теплый лѣтній вечеръ сидитъ въ небольшомъ домикѣ, въ одномъ изъ предмѣстій Лондона и поетъ за работой.

Комната, въ которой она сидитъ, не велика, но такая хорошенькая! Она сама такъ миниатюрна, что ей и не нужно большой комнаты. Она сидитъ на дубовомъ стулѣ съ высокой спинкой. На такомъ же стулѣ сидитъ старикъ и дремлетъ или задумался. На красивомъ дубовомъ рѣзномъ коммодѣ, лежитъ большой, бѣлый ангорскій котъ. Надъ коммодомъ на стѣнѣ, оклееной бѣлыми обоями, виситъ въ красивой продолговатой рамѣ картина, изображающая дѣвушку ослѣпительной красоты, къ каштановымъ волосамъ которой прижался голубокъ. Темнозеленый коверъ покрываетъ полъ, на столѣ покрытомъ темнозеленой бархатной скатертью стоитъ бѣлая мраморная фигура, держащая корзину, наполненную свѣжими цвѣтами, нѣсколько легкихъ изящныхъ стульевъ составляютъ остальное убранство комнаты. Кромѣ старика и молодой дѣвушки, въ комнатѣ есть еще и третій обитатель, хотя въ строгомъ смыслѣ слова его нельзя назвать обитателемъ, потому что въ комнатѣ видна только его голова и плечи, это былъ молодой человѣкъ, стоявшій въ саду. Онъ разговаривалъ черезъ окно и упрашивалъ молодую дѣвушку спѣть еще что нибудь. У нея былъ хорошенькій, веселенькій голосокъ, какъ у птички.

— Теперь ступайте, сказала она, переставъ пѣть, дѣдушка проснется и назоветъ васъ лѣнтяемъ.



— Неправда, я изучаю внутренность этой комнаты и завтра же изображу ее на полотнѣ, сказалъ молодой человекъ смѣясь.

— Нѣтъ, Фредъ, я не вѣрю, чтобы вы это сдѣлали, а очень бы желала,—какъ бы онъ обрадовался, добрый дѣдушка, да благословить его Господь Богъ!

Да, она могла благословлять его. Эта молодая дѣвушка была Бетси Бруксъ, здоровая и счастливая, чистый воздухъ, любящій, заботливый уходъ поправили ея здоровье. По выходѣ изъ больницы она была опредѣлена въ пріютъ, гдѣ ее воспитали и кромѣ наукъ обучили домашнему хозяйству и разнымъ работамъ. Когда окончилось ея воспитаніе, старый другъ ея Бернардъ Стерндаль, постоянно посѣщавшій ее, сказалъ ей:

— Благодаря одному другу, у меня теперь свой собственный домикъ, не согласишься ли ты переѣхать ко мнѣ завѣдывать моимъ хозяйствомъ?

Она согласилась съ счастливой улыбкой. Сестры милосердія охотно отпустили ее и радовались что у нея будетъ покойный пріютъ у добраго, стараго друга, замѣнившего ей отца.

И вотъ Бетси поселилась въ хорошенькомъ домикѣ дѣдушки, гдѣ владѣлецъ перваго этюда Бернарда постоянно навѣщалъ старика.

Это былъ человекъ богатый и лучшую награду своему доброму дѣлу находилъ въ томъ, что видѣлъ старика удобно помѣщеннымъ, въ приличной одеждѣ, а веселая, молодая дѣвушка, которой онъ велѣлъ звать старика „дѣдушкой“, бѣгала по комнатамъ и содержала домъ въ такомъ порядкѣ и чистотѣ, что онъ представлялъ самый отрадный контрастъ съ его прежней печальной обстановкой.

Они сидѣли и разговаривали вмѣстѣ въ домикѣ, лѣтомъ у открытаго окна, охваченнаго вьющимися растеніями, у веселаго огонька зимой. Бетси любила слушать рассказы дѣдушки о Маргаритѣ, которую онъ называлъ своей Маргариточкой,



а онъ съ удивленіемъ выслушивалъ ея рассказъ о томъ, какъ она въ первый разъ увидала настоящую бѣлую маргаритку, какъ она полюбила этотъ цвѣтокъ до того, что дорожки ихъ садика были окаймлены этими цвѣточками, дорогими имъ обоимъ.



Впослѣдствіи они познакомились съ молодымъ человѣкомъ, сыномъ позолотчика, у котораго Бернардъ работалъ. Сперва юноша пришелъ къ Бернарду по дѣлу и поговорилъ немного съ Бетси, потомъ опять зашелъ побесѣдовать, наконецъ сталъ заходить такъ часто, что старый Бернардъ началъ подсмѣиваться и думать чѣмъ-то кончатся эти посѣщенія. Молодой человѣкъ былъ скромень, добродушенъ, единственный сынъ и наслѣдникъ хорошаго состоянія, сверхъ того онъ



любилъ живопись, толкъ зналъ въ картинахъ и восхищался прелестнымъ изображеніемъ Маргариты, висѣвшей въ маленькой комнатѣ.

Однажды его восторгъ зашелъ такъ далеко, что онъ сталъ увѣрять, будто Бетси немного похожа на нее. Бернардъ пошутилъ надъ этимъ, но въ душѣ обрадовался. Оставшись одинъ, онъ обратился къ милому ему изображенію, говоря: — Благодарю Бога, когда меня не станетъ, будетъ кому заботиться о той, которую я любилъ больше всего послѣ тебя, и будетъ храниться съ любовью твое изображеніе, моя милая, дорогая Маргариточка!

(Съ англійскаго)

А. С—а.





ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ  
**„ИГРУШЕЧКА“.**

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

**Годъ Изданія Третій.**

Одобрень Министерствомъ Народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ, для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, и также одобрень Ученымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, библіотекъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ издаваться еженедѣльно отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и силуэтами Е. М. Бемъ. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 №№, что составитъ до 100 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: В. П. Авенариусъ, С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ (проф.), Воскресенская, Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ, гр. Е. Капнистъ, Н. Н. Кузинниковъ, С. И. Лаврентьева, Н. С. Льсковъ, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, Я. Ц. Полонскій, А. Н. Плещеевъ, Д. Н. Садовниковъ, гр. Е. Салъ-ясъ, А. И. Сахарова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, И. В. Сорокинъ (проф.), гр. Н. И. Толстая, А. Н. Толмачева, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Е. Ф. Юнгъ и др.

Въ февралѣ 1882 г. выйдетъ въ „ИГРУШЕЧКѢ“ повѣсть графа Е. Салліаса—Самоваръ.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА“, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16; въ „Современномъ книжномъ магазинѣ“, Пушкинская ул., д. 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Н. Г. Мартынова. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-издательница **Т. Пассекъ.**

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 января 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.